

Первые сведения о готовящемся водевиле Некрасова "Петербургский ростовщик" появились в печати 31 августа 1844 года, когда в "Литературной газете" были опубликованы куплеты Лоскуткова с заглавием "История ростовщика. Из нового неизданного водевиля" (Н 2, 6, 676). Замысел водевиля и его осуществление до сих пор связывали только с работой Некрасова над готовившимся им в 1844 году сборником "Физиология Петербурга", что отчасти подтверждается и самой эволюцией названия водевиля: "История ростовщика..." - "Петербургский ростовщик" (там же, с. 677). Однако заметка, опубликованная 9 июня 1843 года в 126-м номере "Северной пчелы" (раздел "Смесь", с. 502), позволяет отнести возникновение замысла "Истории ростовщика..." (а возможно, и начало работы над водевилем) на год назад. Вот текст заметки:

Картинная галерея

Один известный ростовщик давал в Кельне на проценты деньги со всеми возможными предосторожностями. Один богач, проезжая через этот город, вез с собою несколько картин лучших древних мастеров Италии. В Кельне он захворал, ему понадобились деньги, и он послал за этим ростовщиком, у которого просил под залог картин значительную сумму денег, обязуясь выслать их из Парижа. Ростовщик просил позволения взять к себе картины на дом и, получив их, спешил выставить в аукционном зале, говоря, что картины продаются. Разумеется, что ему хотелось только узнать настоящую их цену. Лишь только они были развешаны, как в залу явились человек пять приезжих. Они окружили эти картины и приходили в восторг от каждой. Обратясь к аукционисту, начали они торговать их и наперерыв надавали огромные суммы. Наконец, аукционист указал на ростовщика, которому они будто бы принадлежали, и те обратились к нему с усердными просьбами продать им эти картины. Он обещал им дать ответ в тот же вечер, а сам, воротясь домой, взял с собою значительную сумму денег и отправился к больному хозяину картин. У самых дверей встретил его один из торговавших. Это был английский лорд, который объявил ему, что дает за все картины 20 000 червонцев, если получит их в тот же день, чтоб увести от прочих покупателей, и почти насильно принудил ростовщика взять задаток во сто червонных. Ростовщик бросился тотчас же к больному и сказал ему, что не возьмет картин заимообразно и под залог, но что купит их с удовольствием. Больной долго не соглашался, торговался, но необходимость победила, и он отдал ростовщику картины за 12 000 червонных, с тем чтобы тотчас же получить деньги. Тот немедленно их отдал и спешил домой, где английский лорд хотел его дожидаться. Его, однако же, не было. Он подождал часа два, потом, с некоторым сомнением, пошел в аукционную залу, надеясь застать его там. Из прежних покупателей не было никого, а гуляли другие и, останавливаясь перед его картинами, с пренебрежением говорили что-то о жалких копиях. Он пристал к этим судьям с вопросами, и те подтвердили свой приговор. Ростовщик бросился к больному. Увы! тот давно уже выздоровел и уехал из города со всеми мнимыми покупателями. Все это был обман.

Анекдот из "Северной пчелы", очевидно, дал Некрасову замысел будущего сочинения; история обманутого ростовщика из Кельна, трансформируясь и обрастая деталями из русского быта, постепенно превратилась в водевиль "Петербургский ростовщик".